

Д. В. ИВАНОВ,
*подполковник в отставке,
бывший помощник нач. штаба
947-го сп 268-й сд*

Роты снова и снова выходили в атаку...

Как лейтенант запаса, я был призван в армию в 1939 г., когда происходило воссоединение с Западной Белоруссией.

Отечественная война застала меня в отпуске в доме отдыха на Кавказе. Срочно выехал в Москву, но разыскать свою часть оказалось делом безнадежным. В Загорске формировалась 268-я сд, и я получил назначение в 944-й полк офицером связи.

Сначала дивизию бросили на Можайское направление — ловить парашютистов. На третий день погрузили в эшелон и отправили под Таллин. 6 августа дивизия на ст. Таппа вступила в бой с противником. Силы были неравными, и нам пришлось отступить к Нарве. Заняли выгодные, заранее подготовленные позиции на высоком восточном берегу реки и поклялись: «Умрем, но не уйдем!». Но прошло несколько часов, и поступил приказ сниматься: немцы вышли в наш тыл со стороны Кингисеппа.

В конце августа дивизия обороняла южную границу Ораниенбаумского плацдарма. В сентябре на баржах переправилась по приказу в Ленинград, сохранив технику и лошадей. В Ленинграде дивизия получила пополнение до полного объема, но, в основном, за счет необученных и не вполне устойчивых бойцов из отошедших частей.

30 сентября* ночным маршем мы прибыли на ст. Понтонная и получили приказ с ходу, без разведки и артподготовки, наступать на противника, вышедшего на западный берег р. Тосны.

Бой начался на рассвете 1 октября в трудных условиях болотистой местности. Немецкие огневые точки не были подавлены,

* Здесь и далее даты и цифры приводятся по журналу боевых действий 268-й сд: ЦАМО. Ф. 1559. Оп. 1. Д. 14. (Примеч. сост.)

и наши атаки не приносили успеха. Действия малочисленной авиации также были неэффективны и не могли помочь пехоте. За первые три дня боев мы потеряли ранеными и убитыми 50 % своего состава. Наступление продолжалось вплоть до 13 октября, но добиться успеха так и не удалось.

С 14 октября дивизия заняла оборону по р. Большая Ижорка на протяжении 5 км. В полках, получивших пополнение, количество активных штыков оставалось малочисленным: в нашем полку их было 308, примерно столько же — в остальных. Противник наступательных действий не предпринимал, но беспрестанно обстреливал, и мы теряли от его огня по 15–20 чел. в день.

22 октября началось наше наступление на д. Усть-Тосно. Артподготовка проводилась 76-миллиметровыми пушками образца 1902–1930 г., которые оказались не в состоянии разрушить огневые точки противника — как по времени, так и по количеству выпускаемых снарядов. Каждый раз во время атаки оживали немецкие доты и дзоты и открывали ураганный огонь по атакующим.

3 ноября нас сменили части 70-й и 90-й сд. Им ставилась та же задача: овладеть д. Усть-Тосно и переправиться на восточный берег реки. Наша дивизия была выведена во второй эшелон. Получив пополнение (352 чел.), она должна была развивать успех передовых частей.

Наступающим были приданы три танка. Но их движение задерживал противотанковый ров, пролежавший перед фронтом. А по пехоте, сопровождавшей танки, немцы открыли бешеный огонь, и задача осталась невыполненной.

11 ноября мы вновь наступали — и опять безуспешно. 947-й полк понес большие потери и был выведен на отдых в район кирпичного завода. Часть людей разместили в заводских печах, а пулеметную роту — в одноэтажном здании военного городка в Понтонной. 12-го здесь случилась беда: единственный снаряд попал прямо в дом, было убито 12 и ранено 18 пулеметчиков.

27 ноября поступил новый приказ штаба армии: «268-й сд захватить противотанковый ров, сделать проходы танкам, овладеть сараями у отметки 12,7».

Атака, рассчитанная на внезапность, не принесла успеха: слишком малочисленны были наши полки, слишком хорошо организован пулеметно-автоматный огонь фашистов. Наши подходили ко рву на 50–100 м, но в стрелковых взводах осталось по 10–15 человек, и атаковать было уже некому.

В журнале боевых действий дивизии записано: «Недостаточное подавление огневых точек противника, малый отпуск снарядов, малый калибр систем привели к тому, что ров взять не удалось (...). Хорошую активность показал 947-й сп: активный порыв наступления, роты в полном понимании снова и снова выходили в атаку».

Потери оказались очень велики, и командование приняло решение о реформировании нашего и 942 полков в полки двухбатальонного состава, а 952-го — в однобатальонный. Пополнение

Б 17 X ХЛЕБ 50 гр	Б 18 X ХЛЕБ 50 гр	Б 19 X ХЛЕБ 50 гр	Б 20 X ХЛЕБ 50 гр	Б 21 X ХЛЕБ 50 гр	Б 22 X ХЛЕБ 50 гр	Б 23 X ХЛЕБ 50 гр	Б 24 X ХЛЕБ 50 гр	Б 25 X ХЛЕБ 50 гр	Б 26 X ХЛЕБ 50 гр	Б 27 X ХЛЕБ 50 гр	Б 28 X ХЛЕБ 50 гр	Б 29 X ХЛЕБ 50 гр	Б 30 X ХЛЕБ 50 гр	Б 31 X ХЛЕБ 50 гр
А 17 X ХЛЕБ 50 гр	А 18 X ХЛЕБ 50 гр	А 19 X ХЛЕБ 50 гр	А 20 X ХЛЕБ 50 гр	А 21 X ХЛЕБ 50 гр	А 22 X ХЛЕБ 50 гр	А 23 X ХЛЕБ 50 гр	А 24 X ХЛЕБ 50 гр	А 25 X ХЛЕБ 50 гр	А 26 X ХЛЕБ 50 гр	А 27 X ХЛЕБ 50 гр	А 28 X ХЛЕБ 50 гр	А 29 X ХЛЕБ 50 гр	А 30 X ХЛЕБ 50 гр	А 31 X ХЛЕБ 50 гр

ОКТ. I ЛЕНИНГРАД

Карточка на ХЛЕБ

на ОКТЯБРЬ 1941 г.

ОКТ. II

НОРМА 200 ГР. В ДЕНЬ

Фамилия _____
М. П. _____
Имя, отчество _____

ПРИ УТЕРЕ КАРТОЧКА НЕ ВОЗОБНОВЛЯЕТСЯ

Б 1 X ХЛЕБ 50 гр	Б 2 X ХЛЕБ 50 гр	Б 3 X ХЛЕБ 50 гр	Б 4 X ХЛЕБ 50 гр	Б 5 X ХЛЕБ 50 гр	Б 6 X ХЛЕБ 50 гр	Б 7 X ХЛЕБ 50 гр	Б 8 X ХЛЕБ 50 гр	Б 9 X ХЛЕБ 50 гр	Б 10 X ХЛЕБ 50 гр	Б 11 X ХЛЕБ 50 гр	Б 12 X ХЛЕБ 50 гр	Б 13 X ХЛЕБ 50 гр	Б 14 X ХЛЕБ 50 гр	Б 15 X ХЛЕБ 50 гр
А 1 X ХЛЕБ 50 гр	А 2 X ХЛЕБ 50 гр	А 3 X ХЛЕБ 50 гр	А 4 X ХЛЕБ 50 гр	А 5 X ХЛЕБ 50 гр	А 6 X ХЛЕБ 50 гр	А 7 X ХЛЕБ 50 гр	А 8 X ХЛЕБ 50 гр	А 9 X ХЛЕБ 50 гр	А 10 X ХЛЕБ 50 гр	А 11 X ХЛЕБ 50 гр	А 12 X ХЛЕБ 50 гр	А 13 X ХЛЕБ 50 гр	А 14 X ХЛЕБ 50 гр	А 15 X ХЛЕБ 50 гр

Карточка на хлеб

поступало нерегулярно, малыми партиями и, что хуже всего, совершенно неподготовленное. Бойцы не умели передвигаться ползком, бросать гранаты, делать перебежки и рывком подниматься в атаку.

Дивизию вывели в Колпино для отдыха и учебы: по 6–8 ч в поле плюс тактические занятия. С переходом в резерв мы стали получать тыловой паек: хлеба 300 г вместо 500 и баланду, которую теперь ни есть, ни нюхать бы не стали. Появились обессиленные и больные. У многих развилась цинга, и полковой врач Лев Александрович Кувардин организовал приготовление и регулярный прием хвойного настоя. С 12-часового учебного дня пришлось перейти на 8-часовой.

Мы знали, конечно, что и ленинградцам приходится несладко, но до какой степени плохо в городе, все же не представляли.

В начале декабря меня командировали в Ленинград за пополнением. Представилась возможность навестить друзей нашей семьи на Рузовской улице.

Двухкомнатная квартира оказалась незапертой. В первой комнате — разбитое окно, рояль, засыпанный снегом. Дверь в другую комнату завешена какой-то хламидой. Источник жизни — «буржуйка» с трубой, выведенной в форточку. Хозяева, Борис Михайлович и Мария Ивановна, топят печурку толстыми корешками книг и обломками мебели. В глазах и словах один вопрос: «Когда прогоните немцев?».

Что сказать? Лгать — язык не поворачивается. Говорю: — Остановили, а прогнать не хватает сил. А как вы?

Отвечают односложно:

— В городе съели всех кошек и собак...

Когда я потом рассказывал об этом в части, люди яростнее шли в бой.

Пополнение я получил из батальона выздоравливающих: 100 человек на всю дивизию. Бойцы истощены, ослаблены, даже винтовка для них — непомерная тяжесть.

Шли маршем. Час пройдем — появляются отстающие. Делаем привал. Подъем, а два-три человека встать не могут. Даю им бумажку: «двигаться своим ходом в хозяйство Важенина». Еще час идем. Новый привал — и снова остаются двое-трое...

Через несколько дней полк ввели в бой: шло наступление на противотанковый ров южнее Колпино. В помощь 125-й сд, действовавшей в первом эшелоне, штаб армии приказал командиру нашего полка полковнику Лебединскому выделить батальон численностью в 200 чел. В журнале боевых действий дивизии по этому поводу записано: «Батальон 947 сп — 240 чел. получил от командования 125-й сд самые трудные работы непосредственно перед передним краем противника. На третий день батальон, использовавшийся на инженерных работах, был введен в бой».

Роты, воровавшись в ров, окопались в нишах вертикальной стенки и стойко отражали контратаки немцев. В таких же углублениях, завешенных плащ-палатками, располагались землянки командиров рот и комполка. В течение недели — с 9 по 16 декабря — батальон вел тяжелейшие бои и потерял половину своего состава.

На сутки он был сменен во рву батальоном 942-го сп. Но уже 17-го, получив пополнение из числа разведчиков, саперов и артиллеристов, батальон снова атаковал немецкие позиции. Не будучи поддержан другими частями, успеха не имел.

Анализируя причины неудачи, командование 268-й сд делает вывод: «В итоге раздергивания по частям 942-й и 947-й сп не имели сплоченности и целостности, дивизия не могла подготовить себе плацдарм для наступления и ввести в бой весь свой состав. Противник же 4 месяца проводил инженерное оборудование и с каждым боем улучшал свою огневую систему; занимал командные высоты, хорошо просматривал расположение наших частей».

18 декабря было назначено новое наступление на противотанковый ров с задачей выхода к Красному Бору. Наш полк должен был наступать во втором эшелоне, но из-за плохой разведки огневых точек противника ход боя изменился. Первым прорвал оборону немцев в противотанковом рву 942-й полк. Ввод 947-го сп обеспечил развитие прорыва по фронту и закрепление плацдарма за рвом. Но дальнейший успех наступления развивать было уже нечем. Армейский резерв командование не вводило до тех пор, пока наша дивизия не овладеет северной окраиной Красного Бора.

Противник успел создать здесь мощную линию обороны, устроил в большинстве домов огневые точки, и все попытки войти

в Красный Бор успеха не имели. Дивизия понесла большие потери и 30 декабря была выведена в Колпино для пополнения.

1 января сорок второго года 942-й и 952-й полки начали трудные бои за мосты через р. Тосну. Наш полк получил приказ наступать левее железнодорожного полотна на противотанковый ров. 7-я рота наступала успешно, но в 30 м от рва залегла перед проволочным заграждением. Пока искали проходы и резали проволоку, противник нас заметил и открыл интенсивный огонь. Все же нашим удалось занять два немецких блиндажа и установить два станковых пулемета.

4 января полк получил приказ овладеть железнодорожной будкой и удерживать железную дорогу. Из остатков 942-го и 952-го полков был сформирован сводный батальон, усилен огневыми средствами и придан нашему полку. В течение ночи батальон под командованием ст. лейтенанта Сухова продвинулся вдоль железнодорожного полотна и закрепился, однако 5-го из-за сильного огня противника вынужден был отойти.

Две недели мы держали оборону перед железнодорожным мостом, вели ответный огонь. Хорошо поработали наши снайперы. Так, снайпер П. Андреев уничтожил здесь 25 фашистов, Васин — 15.

Полку назначались уже три смены, но всякий раз отменяли. Только 18 января мы сдали свой участок 59-му полку 85-й дивизии и были выведены в Колпино. После этих ожесточенных боев у меня сложились стихи. Я их так и назвал «Смена».

К исходу дня, когда стемнело
И наступил затишья час,
Траншеи новость облетела:
Гвардейский полк сменяет нас!

Проснулся сразу страх забытый,
Забилась мысль, как в клетке зверь:
Еще день-два не быть убитым,
Не быть бы раненым теперь.

В строю остаться после боя
Хотел бы каждый из солдат,
Но ежедневно смерть из строя
Выводит доблестных ребят.

Полк отвели на две недели,
Куда добраться враг не мог.
По вечерам мы даже пели
И ночи спали без тревог.

При каждой смене лишь на время
Стихала грозная война,
И тем, кто сбросил ее бремя,
Дарила отдых тишина.

Приказ в полку получен новый:
Мы отправляемся на фронт.
Опять туда, где дождь свинцовый,
Где полыхает горизонт.

Быть тут же раненым — обидно,
Да и погибнуть каждый мог.
И снова страх ползет постыдный
По телу с головы до ног.

Пугает дальний взрыв снаряда,
Стук пулеметов, шелест мин.
Как будто смерть витает рядом,
И нужен ей лишь ты один...

Проходит день, второй и третий,
С боями полк идет вперед.
И страх заглох. Он не заметен.

...
Но сколько смен таких пройдет?!

Весной 1942 г. нас перебросили в район Шушары—Гарры.

В июне началась подготовка к наступлению на Путроловский узел сопротивления на пересечении р. Ижоры с Московским шоссе*. Трудность состояла в том, что перед нашими позициями пролежала низина, недаром названная «Долиной смерти». Она просматривалась немцами с противоположного, возвышенного берега р. Ижоры.

Дивизией в это время командовал полковник С. И. Донсков, нашим полком — по-прежнему А. И. Важенин.

Перед наступлением решено было провести учение по взятию высоты из низины. Оно проводилось под руководством генерал-майора Зайцева. Была выбрана местность, сходная с рельефом Путролова. Условия были максимально приближены к боевым: занятие исходных позиций — рывок вперед — штурм высоты.

На рассвете 23 июня полк сменил в траншеях часть, обороняющуюся перед Путроловым. После 30-минутной артподготовки пехота бросилась вперед. Артиллеристы 76-миллиметровых пушек и минометчики поработали настолько удачно и точно, что пехота к 14 часам вышла на Московское шоссе. Мы бежали через долину смерти по мягким, свежим трупам фашистов, занимавших эти позиции.

Свою задачу полк выполнил: овладел участком Московского шоссе. Поперек шоссе вырыли траншею, заняли в ней оборону.

Ночью разведчики пошли в разведку за шоссе. Оказалось, что на протяжении более километра немцев нет. В том же убедилась и немецкая разведка, и, когда наши вернулись утром с задания, противник уже снова занял этот участок. Мы досадовали, что не опередили немцев.

Меня назначили зам. командира минометного батальона. По нашу сторону шоссе, в низине, находился бетонный дот, отбитый у немцев. Верхушка его возвышалась над уровнем шоссе, и с нее были видны немецкие позиции. Комбат Иван Николаевич Мяс-

* С февраля 1942 г. на Путролово и Ям-Ижору безуспешно наступали 72-я и 43-я сд. (Примеч. сост.)

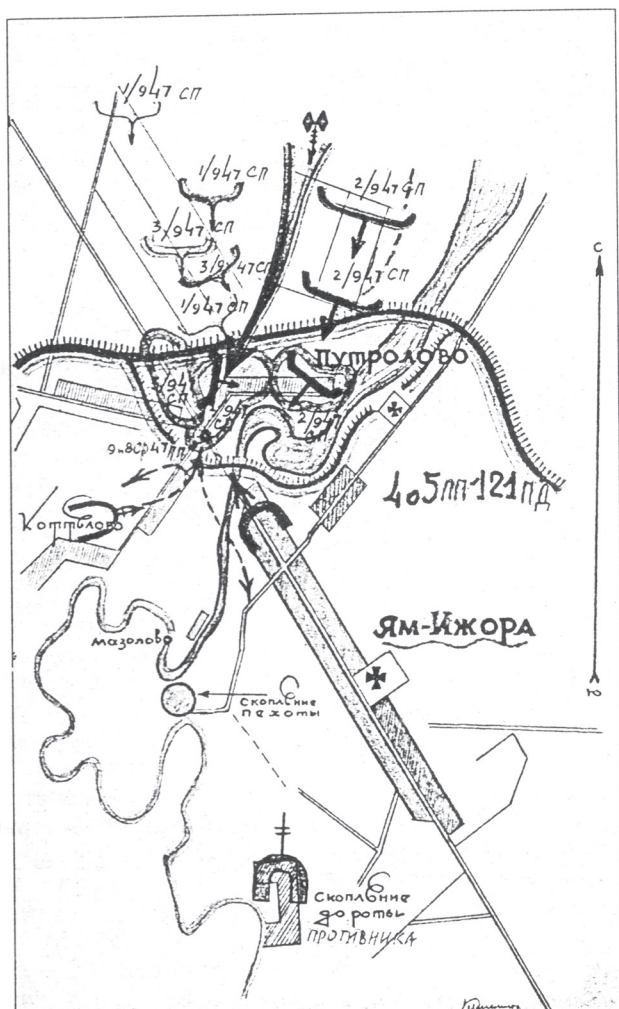

Схема боевых действий 947-го СП 268-й СД 23.08.42 г. по захвату Путролово. Рисунок А. И. Казанцева

ников поручил мне корректировать с этого дота огонь наших минометов.

Я надевал на себя фрицевскую плащ-палатку, маскировочную сетку и влезал с картой на дот. Внизу телефонист ждал моих команд.

«Правее 0,1!» или «Усилить заряд!» — передавалось на позиции.

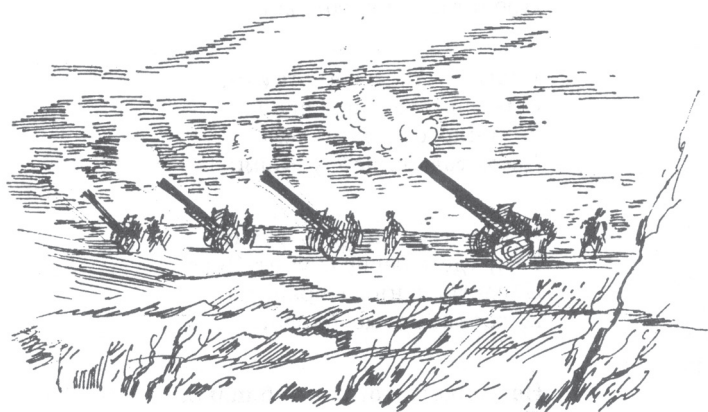
Через меня летели и наши, и немецкие мины и снаряды. Я вжимался в дот и пережил немало жутких минут. Спускался с дота потный, усталый. Ночь отдыхал — утром все повторялось.

На третье утро, когда я не дошел до дота двухсот метров, немцы начали обстрел, и один из снарядов снес макушку дота. Мой НП был разбит, а я уцелел и даже получил медаль «За отвагу». Сейчас на месте того дота установлен памятник «Штурм».

Немцы не хотели смириться с потерей Путроловского узла и постоянно бомбили и обстреливали нас. Но завоеванный участок шоссе так и остался за нами.

Наш поредевший полк вывели в район Красной Горки под Всеволожском, где пополнили и начали готовить к прорыву блокады. Отрабатывалась задача: преодоление водной преграды с дальнейшим наступлением. Одним из элементов подготовки было приобретение пехотой навыка безбоязненно сопровождать огневой вал своей артиллерии.

На учения выдавались боевые снаряды, и мы, воевавшие с начала войны, с горечью вспоминали голодный суточный паек сорок первого года: по одному снаряду на пушку, по одной мине на миномет...

Т. Р. ОВСЯННИКОВА,
*бывшая телефонистка штаба
952-го сп 268-й сд*

«*Всем живым приготовиться к бою!*»

До войны наша семья жила в Петро-Славянке. Отец работал в совхозе «Большевик», был председателем рабочего комитета.

Я родилась в 1926 г. В 40-м закончила семилетку и поступила в Ленинградский авиационный техникум, на приборостроительное отделение. Закончила первый курс — началась война.

Очень скоро наша Петро-Славянка оказалась в прифронтовой полосе. Через нее проходили войска и останавливались дивизионные тылы. Начались бомбежки и обстрелы.

Дом наш разбомбило, вырыли землянку. Осколками ранило брата Николая, 1928 года рождения. Его отправили в медсанбат в Понтонную, где он медленно умирал от голода. С довоенных времен у нас сохранился утиный жир. Отец отнес в МСБ три банки жира, и раненых удалось поднять на ноги.

С едой становилось все хуже. Нашу картошку, закопанную в земле, кто-то вырыл. На совхозных полях осталась неубранная капуста. Жители собирали ее и варили из хряпы щи. Совхоз до войны разводил свиней. Осенью поросята заболели. Директор Федор Тимофеевич Кочетов приказал их забить и закопать. Когда есть стало совсем нечего, люди вырыли этих поросят и съели. Запах стоял на всю округу, но никто не заболел.

В свинарниках еще оставалась костная мука, которую добавляли в корм скоту. Однажды Васька Дубаренко и другие ребята собрались за мукой. Я устала (вывозила с женщинами навоз на поля) и не пошла с ними. А ребята погибли: начался обстрел, и одним снарядом уложило насмерть всех шестерых.

В первых числах февраля Федор Тимофеевич послал меня, Тоню Швыркину, еще двух женщин в Ленинград на Сенную площадь за

семенами. Шли пешком по железной дороге, обходя мосты. С собой у нас было по кусочку дуранды, съели по дороге. В Ленинграде нам выдали по мешку турнепса и кормовой свеклы, мы привезли их в совхоз на детских саночках.

Федор Тимофеевич взял меня на работу в контору. Там в обед давали по тарелочке супа: какая-никакая добавка к хлебному пайку.

У нас стояли воинские тылы, при них — лошади. Если лошадь убивало и доставалось по кусочку мяса — это считалось настоящим деликатесом. К декабрю съели всех коней.

После декабрьских боев за Красный Бор в Московскую Славянку и Петро-Славянку вывели на переформирование 268-ю стрелковую дивизию. У нас в совхозе оказался 952-й полк. Как раз вышел приказ, разрешающий принимать женщин в армию. Я пошла к командиру полка подполковнику Гришину проситься в часть.

Меня определили в роту связи, в штабной взвод. Ротой командовал старший лейтенант Селиверстов, 1-м, штабным, взводом — лейтенант Иван Иванович Осипов. Командиром 2-го, линейного, взвода был лейтенант Телюк, радиовзвода — Молчанов.

Мне объяснили устройство коммутатора на 12 номеров, показали, как соединять командира полка со службами, с дивизией, и стала я телефонисткой. Позывные мои были «Роза», комполка — «702». У комбатов также были цифровые позывные, но чаще их вызывали по фамилиям.

Летом дивизию вывели из резерва. Начались трудные бои за Путролово и Ям-Ижору. 23 июля с большими потерями наша дивизия освободила Путролово, 8 августа — Ям-Ижору. Здесь погиб командир полка Гришин. На его место назначили майора Александра Ивановича Клюканова — высокого, красивого, справедливого человека.

А 19 августа начались тяжелейшие бои в устье р. Тосны за овладение мостами и селом Ивановское на восточном берегу. После небольшой артподготовки батальон нашего полка под командованием старшего лейтенанта Кукареко преодолел Горбатый мост и ворвался в Ивановское, захватив плацдарм от р. Тосны до церкви. По мосту переправились и два танка КВ под командованием гвардии майора Бориса Александровича Усищева. За мостом оба танка были подбиты немцами и в дальнейшем использовались лишь как огневые точки.

С первым батальоном на тот берег переправились и дивизионные радисты Рувим Спринцон, Сергей Тютев, Владимир Люкайтис и Миша Бубнов: они осуществляли связь с нашим берегом. Немцы атаковали, и связисты вызвали огонь на себя. Позже Спринцона наградили орденом Ленина, Бубнова, Люкайтиса и Тютева — орденами Красной Звезды. Вл. Люкайтиса ранило, при эвакуации через Неву он погиб.

К концу дня в нашу землянку вбежал начальник боепитания Кренкель: «Связистов срочно к командиру полка!»

Мы с Осиповым — бегом в командирскую землянку. Находилась она на самом берегу: в пяти метрах от Невы, в трех — от Тосны. Сейчас на этом месте установлен обелиск.

Я вошла с телефонной трубкой, привязанной бинтом к голове. Слышу голос Кукареко: «Кончаемся... Бойцы кончаются, боеприпасы... Прошу помощи!»

Клюканов отвечает: «Никого нет...» А у меня вырвалось: «Троих немцев испугались!..» Затем связь с восточным берегом прервалась, а вечером комбат Кукареко без сапог переплыл на нашу сторону.

Вскоре Клюканова вызвал к телефону комдив С. И. Донсков. Слышу по индукции его волевой голос: «Собери всех: поваров, парикмахеров, связистов, — но удержи плацдарм!»

И вот уже от бойца к бойцу передается команда: — Всем живым собраться в траншею около КП. Приготовиться к атаке!

И «все живые» во главе с командиром полка рванулись к дорожной насыпи. Оттуда на мост и броском — на противоположный берег. Помню, за командиром бежал адъютант Михаил Михайлович Жуков, радисты Миша Маслов и Миша Потапов (бывший студент консерватории) с рацией, комвзвода Осипов с катушкой, я с коммутатором.

За мостом дорогу перегораживали наши подбитые танки. Мужчины легко перемахнули через них, а я — никак: коммутатор на спине назад тянет, юбка мешает. Кто-то подхватил меня, помог взобраться на танк, а вниз я уж сама скатилась.

На том берегу стоял разрушенный пивоваренный завод. В его подвалах разместили раненых и штаб полка. У берега Невы — церковь, рядом кладбище. Завоеванный нами плацдарм — западная часть Ивановского до пристани. Еще до нашего прибытия автоматчик Николай Хайминов остался один в отбитой у немцев траншее. Он собрал трофейные автоматы, расставил их в разных местах и стрелял, перебегая от одного к другому, создавая видимость многочисленного подразделения. Хайминов погиб и посмертно был награжден орденом Ленина.

Немцы наступали шеренгой и стреляли без перерыва. В нашей группе был начхим Шибаев и его сын Толя, связист. Оба погибли.

Горбатый мост нещадно обстреливался, и саперы ночью навели наплавные мостки, скрытые под водой. По ним рано утром 20-го к нам перешли комбат Кукареко, зам. командира дивизии Дементьев и около 100 чел. пополнения. Среди них была и медсестра Кларисса Чернявская. «Где раненые?» — первым делом спросила она.

Кларисса перевязывала, а я подносила котелком воду из Тосны. На плацдарм была направлена батарея 45-миллиметровых пушек, но она перестала существовать после обстрела «Ванюши» — немецкого реактивного миномета.

20-го по Неве к нам на катерах переправились командир минометчиков Ярошенко и начальник артиллерии полка Бучельников с 45-миллиметровой пушкой. Высадив пополнение, катера

забрали часть раненых. При их погрузке убило фельдшера полка Лебедева.

Наши захватили пленного, привели в штаб. Кто-то замахнулся на него. Клюканов остановил: «Не трогать!» и поручил мне караулить пленного.

Прибежал адъютант Жуков: «Немцы атакуют!» Нужен огонь с западного берега, а связь — ни моя, ни Мишкина, — не работает.

«Ты умеешь плавать? — спросил Клюканов радиста. Миша кивнул. — Передашь: прошу „катюш“!»

Я караулю немца, пытаюсь с ним объясниться. «Я не немец, — говорит он, — а венгр».

Это немцы при наступлении пускали впереди себя чехов, словаков, венгров, а уж за ними шли подразделения полицейской дивизии СС.

Прошло минут тридцать, и из Корчмино ударили наши «катюши». Снаряды легли в цель, немцы понесли потери. Обстрел кончился — они снова в атаку. Тогда Клюканов посылает на западный берег Жукова с запиской: «Огонь на меня!». И указывает наши координаты.

Жуков поплыл и на том берегу попал в руки особистов. Доложили комдиву С. И. Донскову, и Жуков передал ему записку, которую держал во рту. Начался обстрел, на какое-то время оставивший немцев.

21-го немцы атаквали непрерывно. Клюканов все время находился с бойцами, поднимая их в контратаки. Но людей становилось все меньше. Убило комиссара Мартиросяна, командира роты связи Юру Селиверстова, Клариссу Чернявскую: она перевязывала раненого, когда пулеметная очередь прошла ей грудь. Уже мертвую ее переправили на наш берег.

22-го оставшиеся в живых получили приказ выходить по наплавному мосту. Последними отходили под обстрелом Клюканов с Дементьевым. Дементьеву при отходе оторвало ногу.

Остатки дивизии были направлены в Понтонную, затем в Рыбацкое и после переформирования — на правый берег Невы в 67-ю армию.

В то время шли тяжелые бои за Невский «пяточок», и мы думали, что нас пошлют туда, где надежды уцелеть было очень мало. Но судьба распорядилась иначе: нас оставили пока во Всеволожском районе. Штаб дивизии разместился в Колтушах. Началась подготовка к прорыву блокады. Впереди были кровопролитные январские бои, и среди 200 тыс. погибших в операции «Искра» — немало бойцов и командиров нашего полка.

После прорыва блокады остатки дивизии снова отвели на правый берег Невы. Здесь 268-я сд приняла пополнение (в основном, из Сибири и с Дальнего Востока) и начала подготовку к Красноборской операции.

18 февраля мы вышли из Овцино, по льду пересекли Неву и маршем направились к ст. Поповка. Там все горело и гремело, не осталось ни одного целого дома — только печные трубы.

Перед полком была поставлена задача освободить Мишкино и Степановку. Штаб разместился в большой немецкой землянке, вырытой в насыпи железной дороги. Весь день шел снег с дождем при температуре 0...+2°, а ночью ударил мороз до -15°. Валенки у бойцов промокли, многие отморозили ноги и выбыли из строя.

Подходы к деревням были заминированы, и, когда началась атака, батальоны понесли большие потери. Степановку освободил наш полк, а Мишкино было взято моряками, но немцы вновь его захватили. Полку приказали отбить деревню.

Атака, которую должна была начать рота автоматчиков, назначалась на вечер. Но перед самой артподготовкой связь с ротой прервалась. Командир полка А. И. Клюканов поручил мне срочно наладить связь. Я с катушкой скатилась с насыпи и, определив направление, побежала к переднему краю, на ходу разматывая кабель. Бегу в темноте мимо каких-то кустов и вдруг вижу две пары светящихся глаз, думала — волки. Но оказалось, что это собаки с волокушей нашли раненого и стоят возле него. Я втащила раненого на волокушу, и собаки тотчас побежали — видимо, в санчасть.

Я продолжала свой путь и неожиданно провалилась в окоп, прикрытый плащ-палаткой. Раздался голос: — Кто Вы? Я увидела стол с коптилкой, за которым сидел лейтенант, командир роты. Подключив провод к аппарату, я доложила Клюканову, что связь есть. Он приказал мне возвращаться на КП.

Вскоре началась артподготовка. Роты пошли в атаку и освободили Мишкино.

Через несколько дней полк вывели в Петро-Славянку на пополнение. Две недели шли учения, после чего нас вновь послали к Красному Бору, где в марте возобновились бои. Наш полк занял окраину Красного Бора, но попал в окружение. В «котле» шли страшные, кровавые бои, особенно сильные 24-го и 25-го марта.

Командный пункт размещался в сарае. 24-го немцы пошли в атаку и все, способные держать оружие, поднялись ее отбивать. Немцев удалось отогнать, но обстрел наших позиций продолжался всю ночь.

25-го противник вновь начал наступление при поддержке минометов. Крышу сарая снесло, стены были пробиты. В 9.05 мина влетела прямо в сарай. Кого убило, кого ранило. Ранены были и А. И. Клюканов, и командир роты связи ст. лейтенант Селиверстов, и комвзвода Осипов. Кто мог ходить, покинул сарай. Клюканова увел его адъютант Жуков.

Мы, двадцать тяжелораненых, остались лежать. Командир радиовзвода Тимофеев, раненный в бедро, вечером умер.

В 22.10 к нам пробралась старшина м/с из 942-го полка Ольга Андреевна Мурашова. Ольга была женщиной отчаянной храбрости. Когда 2 августа на Тосне убило командира роты автоматчиков, она подняла роту и возглавила атаку. Здесь же она нас буквально спасла: остановила отходящих бойцов и организовала эвакуацию.

Всех раненых вынесли на шоссе, откуда машинами доставили на ПМП, а потом — в медсанбат в Понтонную. Мне сделали операцию и отправили в ленинградский госпиталь. На этом моя служба в 952-м полку закончилась, оставив отметины на всю жизнь.

* * *

Безмерная закончена война,
И нам немногим выпала удача
Вычерпать проклятую ее до дна
И быть еще живым в придачу.

А позади опустошенная земля
да обелиски,
Сиротство вдов и матерей,
Да похоронки — не отписки!
Старящие их всего верней.
Что ж выпьем горького стакан,
Когда к друзьям вернемся на могилы —
Не улыбайтесь, если плачет ветеран, —
Зарыты здесь его и молодость, и силы.

В. И. Бажин